

Этическое измерение профессиональной позиции журналиста

Юрий КАЗАКОВ, директор программ ПФ "Комиссия по свободе доступа к информации"

Я хотел бы начать с обсуждения самой категории "гражданская журналистика". Должен сказать, что это словосочетание вызывает у меня определенные сомнения. "Гражданская журналистика" – это что: журналистика "в интересах граждан" – в том смысле, что наиболее погруженная в тематику определенного направления и уровня, наиболее ориентированная на некую категорию "гражданского интереса" (о сути и смысле которой надо бы специально договариваться)? Или это журналистика "от имени граждан"? Или осуществляемая "самими гражданами" (читай: непрофессионально, любительски)? Если коротко: я лично понятия "гражданская журналистика" и стоящих за ним реалий пока не чувствую, воспринимаю как плохой перевод, однако был бы рад узнать о феномене, наверное где-то существующем.

Учитывая дефицит информации по предмету, предлагаю танцевать от другой "печки": исходить из того, что с "гражданским интересом" (интересами, точнее) имеют дело фактически три пласта журналистики. Один представляет собой журналистику "большую", полноформатную, знакомую читателям в виде (если говорить о СМИ печатных) качественных, так называемых "центральных" изданий, круг распространения которых в современной России ограничен. Другой пласт, но во многом и тип – журналистика региональная и местная, суть локальная, в значительной части своей малотиражная; по логике и факту – максимально приближенная к бытовому контексту существования своего читателя, зрителя, слушателя. И, наконец, есть ведь еще третий вариант: журналистика, концентрирующая силы и внимание, на "болевых точках" существования страны в неразрывной связи с формированием гражданского общества в его сугубо конкретных проявлениях. Я, честно говоря, не знаю, как определить этот пласт: "журналистика гражданской инициативы" или "журналистика групп по интересам", а может быть, имея в виду очевидное сочетание в данном случае интересов конкретных личностей, конкретных групп, и общества в целом, еще как-то. При очевидной полезности точной дефиниции, в общем и целом понятно, что речь идет о СМИ, создаваемых и поддерживаемых различными негосударственными, некоммерческими организациями и ассоциациями – или организациями, очевидно тяготеющими к НГО, работающими в тесной связке с ними. Такого рода СМИ точнее других настроены на стимулирование и "проявление" гражданской инициативы в ее конкретном виде, на контроль за конкретным чиновником, стремясь не допустить (в пределах доступного им конкретного территориального или/и тематического пространства) принятия российской властью откровенно некомпетентных, безответственных, да и просто выходящих за границы допустимого в демократическом государстве решений.

При том, что деление на "три пласта" более чем условно (самих "пластов" специалист по СМИ, склонный к структурированию, насчитает куда как больше), оно позволяет достаточно определенно обозначить проблему расслоения и даже распыления стратегического поля "гражданского интереса" (а значит и гражданской ответственности) в сфере массовой информации, связанную с фактическим отсутствием устойчивых коммуникаций между самими "пластами" массовой информации. Три этих "пласта" сегодня фактически не интересуются друг другом, не корреспондируют один с другим. Как итог – рядовой гражданин лишается значительной части существенной для него информации: как событийной, так и аналитической, консультирующей, рекомендательной, позволяющей своевременно сформировать ответственную гражданскую реакцию на событие угрожающего свойства.

Следовательно, возникает острая необходимость в создании структуры, которая определила бы для себя в качестве одной из фундаментальных задач создание условий для сближения трех этих парадоксально разведенных журналистских платформ. Для стягивания – может быть, методом "точечного" практического взаимодействия на почве совместных гражданских инициатив – представителей изданий, занятых обустройством человека и общества в большом, национальном масштабе, СМИ, тяготеющих к проблемам, нуждам и перспективам "малой родины", и, наконец, самодельных "прикладников". Последние, как известно, сплошь и рядом работают на поле первоочередных проблем и интересов гражданского общества (в его российском – неразвитом, слабо структурированном виде) в условиях не только очевидного дефицита материальных ресурсов или поощряющего внимания государства, но и своего рода психологического вакуума, обусловленного отсутствием устойчивых связей с большими коммуникационными структурами.

Моя версия названия искомого инновационного модуля, позволяющего этим пластам, их конкретным представителям, приступить к систематическому обмену базами данных, идеями, может быть, даже кадрами, – Центр гражданских коммуникаций. Под коммуникациями такого рода я имею

в виду и повседневную "коммуникацию" граждан по определенным поводам и с определенными целями, и направленное формирование институциональных элементов сложной системы "гражданских коммуникаций": начиная с массово-информационных как с коммуникаций, играющих особую роль во всем процессе гражданско-общественного строительства.

Что касается "коммуникации граждан", представляется полезным прояснить характер этой проблемы. Россия – страна, ощущающая колоссальный дефицит самоидентификации на всех уровнях: от личностного до национального. Утратив советскую систему самоидентификации – сугубо идеологическую в основе (позволявшую "склеиваться" субъектам общественных процессов на общих "прорехах" в корнях, на общих потерях во Второй мировой, на несомненных достижениях и приоритетах, на различного рода "угрозах извне", даже на привычном разведении произносимого на "публичное" и "кухонное", служившем идентификационным признаком советской интеллигенции), новая-старая страна очевидно не приобрела другой системы, позволяющей идентифицировать себя в новых условиях: идет ли речь об уровне общенациональном, межличностном или даже, если говорить о пространстве СМИ, профессиональном.

В самом деле, едва начав разговор о самоидентификации журналиста, мы натываемся на жесткие перегородки внутри формально существующего "цеха", упираемся прежде всего в ту же идеологию. Простейший пример: издания демократическим не то, чтобы трудно, – практически невозможно договориться о картине "профессионально правильной журналистики" с изданиями "патриотическими" – такими, скажем, как "Советская Россия" или "Завтра". И дело даже не в том, что с обеих сторон заведомо нет "переговорщиков": слишком различными видится одним и другим прошлое и настоящее, категорически не совпадают детали картины будущего. И, соответственно, радикально расходятся представления о нормах проявления журналистской ответственности в конкретной стране и в конкретное время, о правильном, неверном и недопустимом профессиональном поведении журналиста.

Нормальная ситуация? На мой взгляд, – и да, и нет.

Да, потому что определенная "советская" система взглядов, ценностей, представлений о добре, зле, справедливости, особенностях национальной истории, об общенациональных перспективах и путях их достижения (на протяжении десятилетий не просто формально главенствовавшая, но активно внедрявшаяся в массы всей мощью государственно-общественной агитационно-пропагандистской машины – значительной частью населения впитывавшаяся, что называется, с молоком матери) очевидно не изжила себя исторически, но только потеснилась, переместилась под давлением исторических обстоятельств второй половины 80-х – начала 90-х годов в оппозицию.

Обратим, однако, внимание: при том, что оппозиции такого рода свойственна склонность к социальному реваншу, политическая температура внутри протестного электората, его радикализм, склонность и готовность переходить к жестким формам борьбы за реализацию своих представлений о "правильном" социальном и политическом устройстве общества в немалой степени обуславливается позицией, направленностью и характером "своих" для такого электората СМИ.

Заявляя себя не просто "державниками" и "патриотами", но выразителями "интересов народных масс", отказываясь признавать за "антинародным режимом" право на историческую правоту, возбуждая определенные образы, чувства, инстинкты, постоянно обращаясь к "социально справедливой" модели устройства общественной жизни, как к насильственно отнятой у народа, умевшего жить достойно, органы и представители оппозиционной прессы обрабатывают почву, склонную к такой, а не иной обработке. Что делать, миллионы бывших советских граждан, пусть и определенного возраста, привыкли связывать представления о справедливом и достойном человека мироустройстве именно с той социальной моделью, которую постоянно реанимируют в их сознании оппозиционные СМИ. Рассчитывать всерьез на естественную, связанную с изменяющимися обстоятельствами смену мировоззренческой, политической и моральной позиций как одних, так и других в ситуации продолжающегося российского кризиса, при очевидном непроявлении в стране в том числе и к концу 90-х ощутимых признаков экономического роста и социальной стабилизации, очевидно не приходится.

Точно так же, к счастью, нет оснований ожидать изменения позиции действительно демократической, антиреваншистской части российского электората и российской журналистики. Тот и другая безусловно отдадут себе отчет в том, что означала бы для России (и мира XXI века) реставрация на части бывшего СССР порядка, беззастенчиво эксплуатировавшего миф о социальном равенстве как достижении "советской социалистической системы".

Но, говоря о естественности и даже неизбежности радикального расхождения гражданских и профессиональных позиций "демократической" и (условно, по ее самоназванию) "патриотической"

журналистик, мы имеем основания говорить о необходимости и, что важнее, практической возможности гражданской коммуникации симпатизантов одной и другой прессы поверх идеологических барьеров, – скажем, когда речь идет о неверном и опасном управленческом решении в сфере экологии, защиты окружающей среды, здоровья населения. (Привожу пример как самый понятный. На самом деле, сфер для установления прямых коммуникаций указанного рода множество: сфера межнациональных отношений, сфера образования, сфера гражданского контроля за антикриминальными и антикоррупционными усилиями власти и т.д.) Замечу попутно, что в сугубо виртуальный диалог, в том числе полемический, могут вступать при этом и СМИ–антагонисты. Велика ли польза от такого рода диалога? От разового – какая–то, от многократного – возможно, достаточно ощутимая, и прежде всего именно в профессиональном, цеховом смысле.

Я обращаю внимание на это обстоятельство потому, что профессиональные журналисты, каких бы мировоззренческих, идеологических, политических установок они не придерживались, обязаны укладывать свою профессиональную позицию в рамки закона и определенной профессиональной этики. С первым все много понятнее, чем со второй, но саму "реперную точку" единых прав и обязанностей, зарезервированных законом для представителей цеха, отметим.

Отметим и еще одну точку такого рода: антагонисты (если речь не идет о своего рода "отморозках", отказывающихся в принципе следовать каким либо правилам и нормам), формулируя основу своей профессиональной позиции, оперируют общими понятиями: гражданский и профессиональный долг, ответственность перед обществом и перед коллегами, обязательность свободы слова и свободы массовой информации, защита профессиональных прав журналиста, включая право на профессиональную тайну и т.д. При том, что "долг", "ответственность", "свобода", "интересы" прочитываются при этом нередко по–разному, само обращение к этим понятиям – несомненно объективно существующая, хотя и скрытая, не проявляющая себя в обычных обстоятельствах "точка коммуникации".

Напомню: идиома "Мы находимся в одной лодке" (и стоявшая за ней определенная, антиконфронтационная линия поведения) в свое время завоевала позиции и на Западе, и на Востоке именно потому, что оказалось, что по целому ряду вопросов, связанных с существованием и отдельного человека, и всего человеческого рода (ядерная безопасность, экологическая безопасность, недопущение этнических и религиозных конфликтов, борьба с распространением наркотиков и организованной преступностью и т.д.), жизнь буквально вынуждает не просто вступать в диалог, но и договариваться до конкретных взаимных обязательств. Ибо для живых и думающих о жизни есть вещи куда более существенные, чем приверженность к определенной идеологии или следование определенным политическим убеждениям.

В определенном смысле мировым державам легче договариваться о правилах взаимного поведения, чем российским СМИ (в том числе и не антагонистам), расположенным в пределах ставшего притчей во языцех Садового кольца. Но если говорить о задаче защиты свободы слова, свободы массовой информации, о противостоянии угрозам обществу, связанным с использованием СМИ в качестве инструмента грязных политических технологий, – разве нет здесь оснований и конкретных поводов, чтобы начинать обсуждать профессиональные проблемы поэтапно расширяющимся кругом профессионалов, договариваясь до определенных норм и правил поведения, до определенных правил именно честной игры? У нас, замечу попутно, практически отсутствует представление о том, что мир держится на договоре, на конвенции. Мы и в самом деле не имеем ни привычки договариваться, ни умения, навыков такого рода. Но, коли так: давайте смотреть на создаваемую нами институцию, именуемую Центром гражданских коммуникаций, как на постоянно действующий полигон, где может отрабатываться система разноуровневых конвенций, где может вырабатываться культура профессионального и межпрофессионального диалога.

Я не зря вспомнил о культуре. Говоря о проблемах информационного обмена внутри системы "государство–общество", о феномене и институте доступа к информации, разбираясь с проблемами свободы доступа к информации сначала для журналистов и СМИ, а затем и для граждан, мы в своей Комиссии по свободе доступа к информации делаем упор на сферы политического и социального. Именно в этих сферах мы пытались если и не разрубить, то распутать различного рода гордиевы узлы, связанные с искусственными ограничениями и противоестественными "обмелениями" информационных потоков. Но вот настал час, когда выяснилось вдруг, что одной из "болевых точек" доступа оказывается ситуация с определенными категориями информации в сфере культуры, – с выходом на нравственность, на мораль, в том числе и профессиональную. Отнюдь не просто так, не на ровном месте всплыл (и нашел широкую поддержку среди законодателей и мощное лоббирование за пределами Госдумы) Высший совет по этике, благополучно похороненный президентским вето.

(Я, кстати сказать, убежден, что сама идея на этом отнюдь не исчерпала себя и что мы еще

увидим попытки провести ее в жизнь в какой-то иной форме.) Точно так же не случайно "Последнее искушение Христа" стало в России картиной, по поводу показа которой развернулась серьезная и долгая баталия, – с выходом "протестантов" к останкинскому телецентру, с публичной реакцией РПЦ. Выясняется, что и в сфере культуры противостояние приняло у нас масштаб, при котором, как минимум, крайне желательным приходится признать обращение к поиску институции и инструментария для ведения межпрофессионального диалога – с непременным участием СМИ и журналистов. И здесь как бы сам собой проявляется, вписывается и в круг такого рода задач Центр гражданских коммуникаций.

Назову две-три сугубо гипотетические "установочные" позиции, представляющиеся лично мне важными для успеха поиска в данном направлении.

Мне кажется, что первоначальным и самым благодарным соучастником этого проекта могло бы стать то самое самодеятельное население, про которое политики поговорили в общем и даже включили в речевой оборот журналистов понятие "средний класс", а потом как-то выдохлись с разговорами, очевидно решив, что после 17 августа 1998 года самодеятельное население исчезло. Но дело обстоит далеко не так: "средний класс" в России есть, и он отнюдь не сводится к модели дурной социологии, при которой чуть ли не единственным представителем этой категории населения оказался бизнесмен средней руки с определенным, брендовым потреблением.

Мы можем говорить, правда, скорее о "латентном" среднем классе, о "потенциальном" среднем классе – скажем, об инженерах, врачах, преподавателях, вытесненных российскими социально-экономическими реалиями из границ общемировой социальной ниши, определенной профессией, характером и качеством труда, образом жизни, социальным статусом.

Практически в каждом из российских городов есть потенциально интересный для нас слой, именуемый "российской интеллигенцией".

Это и гуманитарная интеллигенция, и естественно-научная, и инженерно-техническая. (К последней, как принято считать, принадлежит 1,5 миллиона человек.) Не будем забывать об упомянутых уже медиках и преподавателях. Кто они, эти люди, которые в большинстве своем чувствуют себя сегодня бесхозными, ненужными стране? Как сделать так, чтобы колоссальный социальный, интеллектуальный, творческий, гуманитарный потенциал этот не перегорел, не пропал, не сгинул? Как сделать так, чтобы талант и труд этих людей не расходились в пространстве? Мне кажется, что и практически полезной, и благодарной оказалась бы задача создания своего рода региональных клубов интеллигенции, открытых для журналистов, или журналистских клубов, открытых для интеллигенции. Создав первый такой "клуб" на базе Центра, мы создали бы, по существу, комплексный, качественный по своей основе, в полном смысле инновационный по природе элемент системы гражданских коммуникаций – с заведомо высоким уровнем отдачи и в информационном, и в человеческом, гуманитарном, и в интеллектуальном, и в нравственном планах.

И последняя позиция. Я бы предложил считать одной из существенных задач Центра гражданских коммуникаций практическое содействие установлению в российской журналистике стандарта профессионально правильного поведения. Обращу в этой связи внимание на два обстоятельства. Первое: нормой в международной журналистике сегодня принято считать установление профессионально правильных методов, правил, норм журналистской работы самими журналистами и представляющими их профессиональными организациями. Второе: точно такой же нормой является привлечение журналистами к процессу саморегулирования своей профессиональной деятельности сил и институтов гражданского общества.

Если все время держать в голове, что журналист работает не на собственный интерес, а на гражданина, что его трудом реализуется фундаментальное право граждан на получение достоверной информации, честных мнений, адекватной картины окружающего человека мира, то само появление Центра гражданских коммуникаций, связанного и со СМИ, и с факультетами журналистики, объективно создало бы возможность рассматривать этот Центр как элемент поддержки системы саморегулирования и самоконтроля. Ну, например: в рамках Центра могли бы и обсуждаться, обкатываться профессиональные стандарты, и отслеживаться нарушения этих самых стандартов, этических норм, признанных теми СМИ и журналистами, которые согласились сотрудничать по этой проблеме с Центром и взяли на себя тем самым определенные обязательства. Думаю, что таким образом мы внесли бы свой пусть небольшой, но реальный вклад в процесс "цивилизации" российской журналистики, формирования в ней корпоративного и при этом конвенционального, вменяемого по отношению к гражданскому обществу успешного профессионального начала.

Переходя к проблемам этических стандартов профессионального поведения журналистов, напомним, что среди множества ролей, которые исполняют СМИ в социальном театре, есть и роль "сторожевого пса". Журналист как "цепной пес" – это не просто зрелищный, осязаемый образ, но и серьезное обязательство, принимаемое на себя некой частью всемирного по масштабу "цеха". Справедливости ради подчеркну, что во всем, что связано с этим образом, желательно точное цитирование документов, выражающих определенное профессиональное самопредставление. "Пса" я встретил в единственном из документов – в Декларации этических норм Ассоциации издателей и пресс-менеджмента (США). Цитирую конструкцию, чтобы избавиться от образа посаженного на цепь бультерьера, развести американских журналистов с незабвенным "звериным оскалом империализма": "Право общества иметь информацию о важных моментах его жизни является неоспоримым. Газета несет в этом контексте особую ответственность, являясь в глазах граждан бдительным сторожевым псом, охраняющим законные общественные интересы". Что называется, почувствуйте смысловую разницу между текстом документа и нашим привычным словоупотреблением.

Поскольку мы говорим о Центре гражданских коммуникаций как некоем "профессионально-общественном" проекте, то процитирую еще одну позицию из той же Декларации этических норм. Позицию отнюдь не отстраненно-нейтральную – скорее миссионерскую, что роднит ее с укоренившейся этической основой нашей собственной журналистики, склонной к публицистике, трудно привыкающей к задаче "просто" информировать гражданина. Вот фантастический пункт (нам бы сказали – невозможный для американской журналистики, но, как выясняется, естественный для ее конкретной части, для известной профессиональной ассоциации): "Редакционные материалы должны отстаивать курс реформ и инноваций в интересах общества".

Ссылаюсь на эту конкретную позицию по двум причинам. Первая: такая позиция есть, она в полной мере профессиональна, – говорю это специально для тех, кто упоминает об "информационной журналистике" как журналистике, осуществляемой компьютером, не имеющим личного мнения. О чем бы мы ни говорили, о каких бы недостатках системы доступа к информации ни упоминали, мы фактически все время подразумеваем, что есть феномен прямого соучастия журналиста в жизни общества: для одних профессионалов – естественное, обязательное, для других – фактически нежелательное, несовместимое с подходом, требующим "отстраненности", "дистанцированности" журналиста от события как основы объективности занимаемой им по отношению к этому событию профессиональной позиции. Подход к проблеме прямого соучастия в делах общества, с моей точки зрения, определяет одну из основных особенностей профессионально-этической позиции журналиста – не только у нас, во всем мире. Вторая: нам пора переставать мыслить категорией "большого комка", в том числе (или прежде всего) именно в вопросах профессиональной этики. Нет жестких, как закон, норм этики "американского журналиста" или "европейского журналиста". Есть нормы, стандарты, правила поведения, принимаемые конкретными профессиональными ассоциациями и организациями, как международными, так и национальными или узкокорпоративными, вроде нашей Московской хартии.

Выделю в качестве принципиально важных в этой связи два обстоятельства: во-первых, общество (и большая профессиональная среда) получает благодаря этим организациям как информацию о профессионально-нравственной основе деятельности представителей конкретной части "цеха", так и приглашение обеспечить контроль исполнения этими самими представителями взятых на себя сугубо добровольно обязательств. А во-вторых, сами нормативные обязательства оказываются совместимыми с представлениями общества о существенном для конкретной профессии, характерном, допустимом и недопустимом для нее в данном месте и в данное время.

Касаюсь профессионального поведения журналистов во время избирательных кампаний, я хочу обратить внимание не столько даже на проблему "плохого пиара", сколько на проблему сознательного обхода частью журналистов "препятствий" в виде и закона и определенных нравственных норм. Я бы определил этот эффект как "трансфокаторный". Тот, кто работал с видеокамерой, знает, как, не меняя положения камеры, можно фиксировать взгляд зрителя поочередно на многих разноудаленных предметах. Так и в приведенном примере. Сначала "фокусное" расстояние было одним, граждане предполагали, что имеют дело с социальным рекламой. Потом оказалось, что "фокус" съехал, встал на место, заранее известное оператору, но потаенное до поры до времени от зрителя, и оказалось, что речь идет о голой и чистой воды политической рекламе. Придраться трудно, если опираться на закон. А если задаться простым вопросом: "Дурили ли граждан продемонстрированным приемом технологи, его придумавшие и реализовавшие на практике?". Дурили! А если так, о какой профессиональной этике мы говорим? Если о "пиаровской" (в том случае, если ролики делали рекламщики или пиаровцы), то обсуждать ее всерьез я не готов. Ну, а если делали журналисты, подрабатывающие "пиаром"? Это уже вопрос для профессиональной корпорации, и он на деле не так прост: "По каким законам, по каким нормам

оценивать игру на чужом поле?".

Но вот другой пример, на этот раз чисто журналистский – из полосы избирательной кампании 1995 года. Место действия – Екатеринбург, предмет нашего интереса – два выпуска одной программы "9 1/2" телекомпании ТАУ (Телевизионное Агентство Урала), возглавляемой Иннокентием Шереметом. Рубрика программы – "Нечеловеческая жизнь". Время выхода интересного нам сюжета – ноябрь 1995 года, разгар избирательной кампании в Государственную Думу РФ.

Итак, 9 ноября 1995 года в эфир ТАУ уходит текст, посвященный одному из официально зарегистрированных кандидатов в депутаты (цитирую по распечатке, раздававшейся на одном из семинаров ФЗГ): "В свете нарастающей на горноуральской земле предвыборной истерии и непрекращающейся публикации всевозможных предвыборных рейтингов, Телевизионное Агентство Урала вынуждено сегодня пресечь, во избежание дальнейшего греха, мерзкую провокационную вылазку избирательного штаба одного из кандидатов в депутаты Государственной Думы России по Орджоникидзевскому избирательному округу.

Сразу хочется предупредить всяких разных там нелепых кандидатов и соискателей в депутаты, что всякие попытки поскандалить с Телевизионным Агентством Урала и тем самым на халяву засветиться перед избирателями, ТАУ не то чтобы будет пресекать на корню и ставить всяких околополитических зверьков на место; о таких кандидатах Телевизионное Агентство Урала будет вытирать ноги, а, если еще точнее, на законном основании смешивать с дерьмом.

Так что засветиться ни в коем случае не получится.

Смысл же вышеупомянутой вылазки сводится к тому, что руководитель, с позволения сказать, избирательного штаба кандидата в депутаты Госдумы России по Орджоникидзевскому избирательному округу – гражданина (фамилия пропущена мной. – Ю.К.), в дальнейшем этого соискателя мы будем, во избежании халявской рекламы, именовать "кандидатом на букву "б", распространили в конце прошлой недели, почему то чуть ли не по всем Екатеринбургским средствам массовой информации претензии к ТАУ.

Якобы 2 ноября в программе "9 1/2", называя рейтинг популярности кандидатов по одномандатному Орджоникидзевскому избирательному округу, ТАУ обозвало ихнего кандидата на букву "б" женщиной; не мужчиной, а женщиной.

Чистейшая ложь, грязный вымысел.

Совершенно точно в программе было сказано, что из 16 кандидатов по Орджоникидзевскому округу всего одна женщина – депутатка Карелова, и та лидирует.

Про господина на букву "б" не говорилось ничего.

К тому же этот грязный вымысел сопровождается мерзопакостными комментариями.

Цитирую: "У авторов этой программы совсем плохо с арифметикой..." или "беспокоит другое: можно ли доверять телевизионной программе" (это "9 1/2" –то!) "и приводимой в ней статистике, если автор программы не в состоянии отличить мужчину от женщины", – конец цитаты.

Что любопытно, фамилию этого кандидата на букву "б" вообще ни разу даже не произносилось в нашей программе.

Более того, его известность в городе столь ничтожна, а шансы на победу в выборах вообще отсутствуют, и потому этого персонажа на букву "б" вообще не имеет смысла упоминать в дальнейшем.

По поводу этой безобразной выходки эксперты Телевизионного Агентства Урала имеют две версии.

Первая версия: у кандидата на букву "б" нет денег на предвыборную борьбу и его соратники путем прямой лжи хотят завязать скандальную интрижку и скандально же прославиться среди избирателей. Не получится.

Если персонаж будет продолжать упорствовать, Телевизионное Агентство Урала, мастерски владея великим и могучим русским языком, сделает так, что по окончании предвыборной борьбы персонажа не возьмут даже техничкой в ЖЭК.

Вторая версия безобразия: и у самого персонажа на букву "б", и у его соратников есть серьезные сомнения в его, персонажа на букву "б", половой принадлежности: действительно ли он мужчина? Не исключено, что подразумевается эффект гермафродита.

Более того, дела зашли так далеко, что соратники охотно и публично обсуждают половые мутации своего кандидата.

Если так, то Телевизионное Агентство Урала, за свой счет готово нанять группу квалифицированнейших психиатров и сексопатологов и определить, наконец–то, истинную половую принадлежность персонажа." Между прочим, это не конец сюжета и истории одного последовавшего за ней судебного разбирательства. Потому как ровно через неделю в той же передаче и в той же рубрике был зачитан следующий текст: "Вчера очередную, забавную и безобразно–возмутительную ксиву, содержащую выпад против Телевизионного Агентства Урала, распространил по Екатеринбургским средствам массовой информации избирательный штаб пресловутого кандидата в Государственную Думу России на букву "б".

Об этом персонаже на букву "б", без особого успеха домогающемся по Орджоникидзевскому избирательному округу государственного мандата, "9 1/2" на прошлой неделе уже сообщало.

Тогда этот неприятный, назойливый персонаж, очевидно, алча халявской скандальной известности, безуспешно, но, главное, без всякого повода пытался навязать Телевизионному Агентству Урала оригинальную дискуссию о том – мужчина ли он, персонаж на букву "б", или все же женщина? ТАУ, естественно, дискуссию проигнорировало, – слишком мелок и никчемен этот ничтожный персонаж.

ТАУ даже для экономии эфирного времени называет его не по фамилии, а на первую букву "б".

Впрочем, добрые эксперты ТАУ все же высказали тогда утешительную предположительную версию о гермафродитной природе персонажа.

Персонаж с тех пор не унялся и в новой еще более бестолковой малявке, содержащей новые выпады в адрес ТАУ, имеются также некие глупейшие и бестолковейшие взывания к Екатеринбургской прессе вообще.

Общий смысл высказываний сводится к набору междометий.

Дескать, как же так, есть ли какие либо другие журналистские коллективы в Екатеринбурге, кроме ТАУ, или нет.

Наибольшее же омерзение и удивление вызывает то, что персонаж на букву "б" со своими сподвижниками уже повторно своей рассылает свою ксиву в какие угодно средства массовой информации, но только не в Телевизионное Агентство Урала, хотя все претензии адресованы именно к ТАУ.

Во–первых, наверное, стесняется.

А, во–вторых, совершенно ничтожный самовлюбленный пухлый мелкотравчатый персонаж на букву "б" надеется, очевидно, сравить меж собой прессу и опять же бесплатно засветиться.

Пресса из–за никчемных околополитических зверьков и жучков ссориться не будет." Предлагаю поломать голову над правовой квалификацией текста. Со своей стороны могу сказать, что текст фактически "проваливается" в решето законов, и не только законов. Действительно, что делать человеку – кандидату в депутаты, – против которого затеяна вся эта "стёбная" по стилю возня, с выяснением половой принадлежности: доказывать, что он мужчина или что он не "околополитический зверек" и требовать сатисфакции по УК, по статье "оскорбление"? В принципе, наверное, можно, хотя и нелепо, особенно в части доказательства принадлежности к сильному полу, но это все – потом, после кампании. А сию минуту? В тексте нет ненормативной лексики, есть лексика блатная, но за это не судят. Есть откровенное хамство, но попробуйте его "прихватить" статьей закона – трудно. Профессиональная этика журналиста? А это что такое, как там прописаны "зверьки" и "малявы"? Или – другой пример, который сейчас получает ежедневное развитие, принося все новые и новые подтверждения актуальности обращения к теме профессиональной этики журналиста: слив копромата в СМИ, поиск журналистами компромата на определенных сайтах в Интернете. Журналист, который идет за определенным скандальным материалом на известный и ему, и его коллегам интернетовский сайт, публикует информацию – все честь по чести, со ссылкой на источник, – чист или не чист профессионально? Можно спорить по части того, является ли сайт

"источником" в принятом смысле, многие специалисты утверждают, что не является, но сам по себе факт: взял приготовленное и опубликовал со ссылкой на сайт – укладывается ли в профессиональную этическую норму? На мой взгляд, тут мы имеем дело с чистой воды ситуацией профессионального выбора, выбора линии профессионально правильного поведения. Потому что "профессионально правильным" – и тут можно взять фактически любой кодекс, любые деонтологические правила, принятые профессиональными ассоциациями журналистов, – оказывается только тот случай, когда любая сенсационная информация перепроверяется по другим каналам. Просто взял, просто предложил своему читателю – значит, распространил слух, сплетню, навет, диффамацию. Если при этом маркировал слух как слух – формально выполнил одно из базовых требований профессиональной нормы, отделил слух или предположение от фактуальной информации. Достаточно ли этого для того, чтобы оставаться "рукопожатным" в профессиональном кругу? Вот тут заранее ничего сказать нельзя: нужно смотреть сам текст, да и "круги" бывают разные. В иных не принято ссориться и с откровенными изобретателями сенсаций, "постановщиками действительности". А в иных принято не иметь понятия о нормах профессиональной этики, формально признаваемых обязательными для членов той ассоциации, в которой едва ли не все "кружковцы" состоят членами.

Вот и еще одно наглядное свидетельство реальной ситуации. Пять лет назад, в 1994 году Союз журналистов России принял Кодекс профессиональной этики российского журналиста. Кто из журналистов держит Кодекс профессиональной этики российского журналиста на столе у себя в рабочем кабинете? (Кто его примерно помнит? Кто готов обсуждать те из его положений, которые представляются спорными?) Цитирую первый абзац документа: "Журналист всегда обязан действовать, исходя из принципов профессиональной этики, зафиксированных в настоящем кодексе, принятие, одобрение и соблюдение которого является непременным условием для членства в Союзе журналистов России". Как может действовать свод этических норм, если профессионалы, что называется "не берут его в голову", не обращаются к документу хотя бы в морально затруднительных ситуациях? Если возвращаться к выборам как к полосе таких ситуаций, точке срыва профессиональной морали, к заведомой угрозе потери журналистом доверия читателя или зрителя, то надо отметить: в Кодексе профессиональной этики российского журналиста сама выборная "ловушка" никоим образом не обозначена. Уточню, что такова же картина и по большинству других национальных кодексов европейских государств. По крайней мере, из всего, что я имел возможность просмотреть и отобрать для первого, документального тома двухтомника "Профессиональная этика журналистов", подготовленного Фондом защиты гласности и только что вышедшего из печати, специально обозначена ситуация "предвыборных мероприятий" (с двумя конкретными рекомендациями–предписаниями) только в германском Кодексе печати и в Кодексе журналистов Республики Словения.

Поскольку первая рекомендация схожа в обоих кодексах, цитирую немецкий вариант: "Если при освещении предвыборных мероприятий печать публикует и те точки зрения, которые она не разделяет, то это отвечает журналистской честности, служит делу свободного получения и распространения информации для граждан и обеспечивает равенство шансов демократическим партиям".

Вторая рекомендация связана с подготовкой к печати материалов социологических опросов. Опять цитирую немцев: "При публикации результатов опросов общественного мнения, проведенных соответствующими институтами, Германский совет по делам печати рекомендует органам печати сообщать число опрошенных, время опроса и то, по чьему заказу был проведен опрос, а также постановку вопроса. Если опрос проведен без заказа со стороны, то следует указать, что данные опроса получены по инициативе проводившего его института".

Можем ли мы принять эти чужие рекомендации к действию? Я бы сказал, что реализация этих норм была бы одновременно и хорошим тоном, и проявлением профессионального прагматизма для российских журналистов. Она была бы зримым проявлением готовности именно в острый, сложный период играть по честным правилам, а значит, проявлением зрелости тех, кто такого рода правила принимает на себя добровольно, в инициативном порядке. В данном случае речь идет не о "правилах игры" вообще (правила игры могут быть разными, в том числе и бандитскими), но о "правилах честной игры".

Принятие (и соблюдение) профессиональной корпорацией правил честной игры фактически исключает возможность членами этой корпорации безнаказанно проделывать такие вещи, которые проделало цитирувавшееся мной ТАУ. Это ведь в судебном процессе, в том, что касается буквы закона, было трудно определяться с виной автора цитирувавшихся текстов, шедших с экрана таким веселым, разбитным говорком, притворявшихся игрой, но уж никак не попыткой раздавить и вывести из политической игры. Судье пришлось попотеть – суд (а разбиралась ситуация по ст.19 ГК) закончился только в прошлом году. Выиграл истец. Правда, присудили ему, по–моему, рублей 150 в

порядке возмещения морального ущерба, – но я–то о другом. О том, что для настоящей профессиональной корпорации сама ситуация, при которой можно закончить стёб диффамационного свойства утверждением: "И вообще иди отсюда, унижаемый; из–за тебя коллеги с нами ссориться не будут", – в принципе невозможна. Будут ссориться коллеги, и еще как, потому что речь идет о добром имени корпорации, об укорененном в ней представлении о профессиональной чести, о принципах взаимоотношения с гражданином.

Чтобы прояснить ситуацию до конца: руководитель ТАУ г–н Шеремет, который стебался таким образом на телеэкране, сам был в это время... кандидатом в депутаты (правда, не в Государственную Думу, а в местное Законодательное Собрание) и формально находился в отпуске.

Только ли в России возможна перепутанность ролевых функций такого рода, ситуация, когда политик голосом популярного (пусть и с определенной репутацией) журналиста бьет политика же, не объявляя о своем настоящем статусе в момент атаки? Не знаю, не берусь судить. Но точно знаю, что перепутанность представлений о том, что можно и чего нельзя в профессии для российского журнализма, – родовая болезнь. Как знаю и то, что в преддверии выборов 1999–2000 годов информационная ситуация не внушает особого оптимизма. К тому же общество не готово достаточно серьезно, внимательно, бережно и уважительно относиться к журналисту. Но и журналист не готов так же относиться ни к обществу, ни к коллеге, ни к самому себе. Реальная ситуация побуждает российского журналиста снова пользоваться (и в этом беда ситуации) политической этикой там, где должна работать этика профессиональная.

Понимая основную проблему именно так, я на протяжении всех последних лет говорил журналистам, с которыми работал как эксперт: "Коллеги, давайте поймем, что советский журналист руководствовался политической этикой не по доброй воле, но потому, что от него именно этого ждали и требовали работодатели. Российский журналист начала 90–х также был втянут в воронку острейших политических событий, ему было трудно, а зачастую и невозможно быть прежде всего журналистом. Так, может быть, мы хотя бы сегодня сможем вырваться из ловушки, обратиться к профессиональным нормам и профессиональной этике; может быть, мы осилим ступень продвижения к новой, стандартной по мировым понятиям профессиональной и общественной роли?".

Замечу, что категорически не идеализирую западных журналистов. Они – не близнецы, как не близнецы и профессиональные кодексы, определяющие "хорошо" и "плохо" в их профессиональной деятельности.

Приведу для примера, раз уж приводил первый пункт российского кодекса, и пункт второй, по логике кодекса – принципиальный: "Журналист соблюдает законы своей страны. Но в том, что касается выполнения профессионального долга, он признает юрисдикцию только своих коллег, отвергая любые попытки давления и вмешательства со стороны правительства или кого бы то ни было". Как относиться к этому пафосному утверждению, побуждающему журналиста к определенному поведению в определенной ситуации? На мой взгляд, как к профессиональной подставе. По российскому Закону "О средствах массовой информации" журналист не имеет права отмалчиваться в некоторых ситуациях. По решению суда, например, он обязан обнародовать информацию о конфиденциальном источнике. Того же требует от журналиста и Уголовный Кодекс.

Ситуация имеет место. И как быть, когда закон требует одного, а профессиональный кодекс другого? В зале суда журналист может заявить: "Нет, ничего не скажу. Я дал слово и пойду на Голгофу, но слова не нарушу. Знаю, что нарушаю таким образом закон, и готов отвечать за это в полной мере".

Возможная ситуация? Вполне. Нормальная? Полагаю, нет: кодекс не должен подталкивать к нарушению закона, не должен задавать журналисту в качестве морального императива выбор Голгофы. Очевидно, что корпорация должна была бы не перенапрягать нравственность своего члена, не закладывать для него моральное испытание, превращение в страдальца, а бороться за соответствующее изменение закона. В Европе, кстати, есть страны, где журналист и судом не может быть призван к отказу от слова, данного конфиденнту.

Усомнившись в моральной чистоте ситуации, как она описана российским кодексом, я решил посмотреть: откуда вообще выросли ноги "юрисдикции коллег", перекрывающей норму закона? Читаю в Декларации принципов поведения журналистов Международной Федерации журналистов: "Действуя в рамках законодательства своей страны, журналист при решении профессиональных вопросов признает только юрисдикцию коллег, в том числе и в случае вмешательства в такого рода вопросы правительства или других ответственных лиц". Есть разница? Смотрю дальше. Много раньше, чем появилась Декларация принципов МФЖ, коллизия была отмечена и сформулирована в

Хартии профессиональных обязанностей французских журналистов. Сейчас эта Хартия – самый старый из существующих в Европе профессиональных документов: последняя редакция ее проводилась в 1939 году. Цитирую: "в вопросах профессиональной чести" журналист "признает только юрисдикцию своих коллег". Сильно теплее, много ближе к морали, чем к кутузке.

Правда, в конце концов, нашелся и документ, откуда была списана конструкция российского кодекса: швейцарская Декларация прав и обязанностей журналиста. Но Россия все же не Швейцария, если говорить о степени защищенности журналиста и его возможности делать свое дело. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть и сам швейцарский документ, состоящий из "Декларации прав" и "Декларации обязанностей". (На мой взгляд, права и свободы там сильно перекрывают обязанности журналиста.) А есть ведь еще и швейцарские законы, о которых не стоит забывать. И в итоге, насколько мне известно, кодекс и право там стыкуются настолько, что в зазор голова журналиста просто не пролезает, – в отличие от его российского коллеги.

Вернусь в этом месте к понятию "профессионально правильного поведения", не укорененному в нашем лексиконе. Учитывая дефекты профессионально–этической основы российского журнализма, с прошлого года в СЖР, вообще, и в секретариате СЖР, в частности, ведутся разговоры о необходимости как–то выходить из ситуации. Одни предлагают переработать Кодекс, другие видят выход в "присвоении" Декларации МФЖ (по ней уже живут национальные организации журналистов Чехии и Голландии), третьи думают о системе минимальных стандартов, определяющих правила поведения журналиста. Как бы то ни было, обсуждение ведется и может выйти за рамки профессиональной ассоциации. Определенную угрозу тут я вижу в том, что свои представления о "профессионально правильном" в этике журналистам могут начать диктовать, во–первых, государство (оно, кстати сказать, предпринимало такую попытку не только по думской линии, с тем самым Высшим советом по нравственности, но и в лице Судебной палаты по информационным спорам: последняя, правда, формулировала свои представления о профессионально–этических нормах без излишней настойчивости, достаточно деликатно), во–вторых, само общество в лице наиболее жестких по конструкции общественно–политических формирований.

Гипотетическая угроза такого давления заставляет меня напомнить о существовании Софийской декларации, выработанной Индоевропейским семинаром по укреплению независимых средств массовой информации (София, 1997) и одобренной затем – с соответствующей рекомендацией государствам – Генеральной ассамблеей ЮНЕСКО. Пункт 6 Софийской декларации гласит: "Профессионально правильные методы журналистской работы являются наиболее эффективной гарантией от правительственных ограничений и давления со стороны особо заинтересованных групп". И далее: "Любые попытки установления норм и руководящих принципов должны исходить от самих журналистов".

Почему, я прошу помнить о Софийской декларации и об этом ее пункте? Во–первых, потому что "профессионально правильное" нуждается в нашем осмыслении, в проявлении, в закреплении в документах и реальном профессиональном поведении. И, во–вторых, потому что с попытками диктовать журналистам модели профессионально правильного поведения бороться нужно начинать уже не в Москве, а в регионах. Именно там, например, формируются представления о журналистских правах и свободах у членов Совета Федерации. Напомню, что именно этот орган в апреле 1998 года уже принимал специальное обращение к руководителям средств массовой информации, в котором призывал российских журналистов, руководителей средств массовой информации "соблюдать журналистскую этику в освещении международной деятельности России и позиции руководителей и участников СНГ". Совершенно очевидно, что тут есть, как минимум, основание для серьезного анализа представлений членов СФ о том, что же такое журналистская этика.

Что касается перспектив возвращения к теме этики журналистов в Госдуме, то тут, мне кажется, нужно хорошо понимать: среди нынешних депутатов противников журналистских свобод, людей со странным представлением об обязанностях и правах журналиста более чем достаточно. Чтобы не ходить далеко за примерами, приведу цитаты из проекта тезисов выступления на парламентских слушаниях по проблеме "информационной безопасности населения" депутата Кривельской. Это не важно, что документ датирован 1996 годом, важно то, что г–жа Кривельская, во–первых, в Думе не одна такая, что, во–вторых, проблема "информационной безопасности" занимает ее совершенно серьезно, и что, в–третьих, как депутат и человек она достаточно активна. О последнем сужу по личному опыту: выступая на тех самых слушаниях в официальном качестве члена Совета экспертов Комитета по информационной политике и связи, я был просто–напросто отключен г–жой Кривельской, ведшей слушания, от микрофона именно тогда, когда попытался проанализировать текст тезисов с позиции закона и здравого смысла.

Анализировать было что, текст тезисов – сказка, именины сердца (правда, для сердец, не

предрасположенных к инфарктам). "Процесс информационного взрыва в стране заполнил информационное пространство", страну заполонила "не только объективная, но и вредная, а зачастую опасная информация, отрицательно влияющая на образ мышления, культуру, нравственные и моральные основы общества" – это так, разминка. Читаем далее: "Избыточность информации вместе с ее непроверяемостью способна превратить информационную продукцию в один из сильных факторов дезорганизации мышления. Для многих информация – это особый вид гедонизма". Дальше начинаются куда как серьезные вещи. Цитирую: "По сути можно констатировать, что центральные СМИ Российской Федерации превратились в один из основных источников угрозы национальной безопасности страны и продолжают вести необъявленную войну против собственного народа". "Прослеживается взаимообусловленность количества и разрушительного качества передачи материалов СМИ с показателями преступности в различных регионах страны".

Когда людям с таким мышлением все понятно про профессиональную этику, профессионалам нужно быть готовыми ко всему. В том числе и к замечаниям о том, что в мире "принято", а что – "не принято", разумеется, без отсылок к источникам таких, а не иных представлений.

Однако то, что приходится признать скверным, но понятным для непрофессионалов, решительно нельзя считать понятным и оправданным для самих журналистов. Как можно жить, не интересуясь основами собственного дела, профессионально–этическими нормами, и в самом деле существующими, действующими в различных странах, имеющих традицию (у американцев базовая часть ныне действующих этических документов сформировалась в 10–20–х годах нашего века) и переживающих сейчас бурный период обновления? (По части последнего пункта: большинство профессионально–этических актов европейских стран – свеженькие, датированные 89–90–ми годами.) Мы достаточно долго жили своей, отдельной от мира жизнью. Пришла пора к миру, в том числе профессиональному, внимательно присматриваться. Пришла пора критически, жестко присматриваться к своей собственной ситуации. Разве у нас уже есть устойчивая профессиональная среда? Нет, есть распыленное, разделенное, не желающее объединяться профессиональное (профессиональное?) "нечто", которое язык не поворачивается назвать словами "сообщество". Это "нечто" единым себя не чувствует, более того, не может таковым быть. Можно ли по отношению к нему применять слова "корпорация", "корпоративный"? По отношению к целому – нет. По отношению к малым сообществам – да. Пять лет назад, например, таким образом возникла Московская хартия журналистов, своего рода "мини–корпорация", объединенная хартией. Относительно недавно появилась – отделяясь от толпы непрофессионалов, объединяясь уважением к труду судебного репортера, журналиста, пишущего на правовые темы – Гильдия судебных репортеров. Каждая из такого рода ассоциаций знает, прописывает позиции, по которым отличается от других, выделяется из полупрофессиональной среды. Обратим внимание, что каждый член такой ассоциации, поставившей подпись под декларацией норм и принципов, ей присущих, признает свою ответственность за коллегу, поставившего подпись под тем же документом.

Взаимная ответственность, неизбежно связанная со взаимной поддержкой, но и взаимной требовательностью, – неременный признак настоящей профессиональной корпоративности. В отличие от корпоративности дурного рода, заставляющей вспоминать слова "семья", "криминальное сообщество", "мафия" и отличающейся принципом круговой поруки.

По какому из путей продвинет нашу журналистику полоса 1999–2000 годов, когда в нее активно начнет внедряться политический заказ с деньгами, которые в итоге все же всегда пахнут? Чем будет пахнуть российская журналистика 2001 года, каково будет отношение к журналисту в стране начала третьего тысячелетия, насколько истощится (или прибавится?) кредит общественного доверия к профессии и профессионалам? Журналисту сегодня трудно быть моральным, – я говорю это со всей серьезностью и не только потому, что думаю о выборах 1999–2000 годов. Трудно потому уже, что не едино представление о морали в самом обществе, не едина, не гомогенна сама общественная мораль. (Владимир Иосифович Бакштановский, описывая ситуацию, определяет ее как наличие трех моралей, или "моральное междуцарствие".) Что это значит, если говорить о необходимости для журналиста быть понимаемым и признаваемым гражданами? На мой взгляд, прежде всего ситуация диктует необходимость для журналиста максимально четко информировать общество о том, что признается им профессиональными нормами. Не вступать с обществом в диалог на эту тему – тут у меня своя позиция, связанная с опасением за хрупкость ростков настоящего профессионализма в современной российской журналистике и готовностью значительной части общества проходиться по этим росткам катком, – а именно обозначать, делать достоянием публики нормы и правила игры той или иной ассоциации, того или иного СМИ.

Что должно быть в этих нормах и правилах? Мировая практика (обобщая уже переведенное и опубликованное) свидетельствует: первой позицией, которая "столбится" профессионалами, оказывается та, что говорит о способе получения журналистом информации. Первый флажок для гражданина: информация получена СМИ законным и честным путем. Законным – понятно. А

честным – это как? Тут начинаются дефиниции.

Швейцарская Декларация прав и обязанностей журналиста дает такое толкование способа доступа к информации: журналисты "не используют нечестные методы получения фотографий, документов и информации".

Решать, что такое "честные методы" общество предоставляет самому журналисту. Пообещал – выполняй, я, гражданин, на тебя в части честности полагаюсь.

Литовский Этический кодекс содержит уточнения, связанные с конкретными правилами поведения журналиста: "Информация должна быть получена этическим и законным путем. Запрашивая информацию, журналист обязан представиться, сообщить, какое СМИ представляет, уведомить человека о том, что его слова могут быть опубликованы, за исключением тех случаев, когда речь идет о получении конфиденциальной или официально недоступной информации". Литовский кодекс, говоря об этике, не заставляет журналиста замирать у первого же барьера, он считает этически допустимым отступление от базового правила в интересах информированности гражданина, оставляя на усмотрение самого журналиста ограничение одной ситуации от другой.

Вот Кодекс журналистов Республики Словения. "Журналист, выполняя профессиональные обязанности, должен представиться и, при необходимости, предъявить свою журналистскую карточку. Скрытие журналистом своего имени несовместимо с Кодексом". Тут уже – никакого дуализма: "несовместимо" – и точка.

Журналист в Словакии "должен сообщать источнику о своих информационных намерениях". Также конструкция обязательная, жесткая.

Какую из позиций "присвоить" нам? Сказать определенно не решусь, ситуация самим сообществом не осмыслялась, не "прогревалась". На мой взгляд, жесткий вариант для России сегодня неприемлем: категорически "сообщать о своих информационных намерениях" можно там, где работают многие источники доступа жизненно важной информации к гражданину. А что делать там, где другие не работают, а журналистский может быть перекрыт, если официально декларируемая цель не нравится потенциальному носителю информации? Очевидно, что проблема есть.

Или вот – Этический кодекс норвежской прессы. Конкретный пункт: "Использование скрытых камер или микрофонов или действие под вымышленным именем могут быть оправданы только особыми обстоятельствами. Условием этого может быть только то, что это единственно возможный способ для раскрытия фактов, имеющих большую общественную значимость". Обращаю внимание на этот пункт вот почему: практически во всех кодексах одним из стратегических, опорных пунктов является защита права гражданина на частную жизнь. Это безусловный компромисс между общественными интересами, между правом гражданина на информацию и его же правом на защищенность от досужего внимания профи в той сфере, которая является частной, личной, интимной. Сильный кодекс при этом всегда удерживает баланс: обеспечивая и запрет на подглядывание и преодоление запрета там, где такое преодоление диктуется не досужим любопытством журналиста или самого общества, а тем, что принято именовать "общественными интересами".

Разумеется, при этом всегда предполагается, что профессиональный журналист, член профессиональной ассоциации, имеющей кодекс, – не дикарь, не младенец; что у него есть и определенное профессиональное образование, и определенное представление о приличиях, и даже определенная мера вкуса к слову, которая не противоречит общественным представлениям о приличном и непристойном.

Почему вопрос о защите право на частную жизнь и о его преодолении особенно важен для нас, объяснять не нужно: полагаю, нигде в мире сегодня так интенсивно не эксплуатируется жанр журналистского расследования, как в России. Вообще должен сказать, что журналистское расследование как явление, как особый жанр рассматривают всего в двух кодексах из сорока, которые я посмотрел. О чем это говорит? Думаю, о том, что применительно к этому жанру большинство ассоциаций просто не считает нужным вводить какие-то особенные правила и нормы, полагаясь на универсальность закрепленных кодексами норм и правил. И даже там, где само словосочетание "журналистское расследование" присутствует, можно найти скорее подтверждение этого подхода, чем его отрицание.

Цитирую Кодекс журналистов Республики Словения: "Расследование есть законный способ журналистской деятельности. При этом необходимо соблюдать ограничения, предусмотренные

Конституцией и законодательством, а также уважать честь граждан.

Общественный интерес, проявляемый к материалу, не может служить оправданием незаконных или безнравственных методов журналистского расследования".

Правда, как только мы написали словосочетание "безнравственные методы", мы опять должны начинать договариваться: что и почему следует относить к этой категории. Что ж, значит и в самом деле нужно садиться, спорить, договариваться до определения, устраивающего переговорщиков.

То же самое относится, кстати сказать, к категории мотиваций, разрешающих журналисту преодолевать тот самый запрет на вторжение в частную жизнь. В каких случаях, на каком основании журналист может посягнуть на святая святых гражданского общества? Испанский Деонтологический кодекс профессии журналиста предлагает формулу защиты общественных интересов, никак ее не расшифровывая.

Деонтологический кодекс журналистов Каталонии говорит о необходимости избегать "любого вмешательства в частную жизнь граждан, если это только не продиктовано острой общественной потребностью", – опять–таки никак не расшифровывая эту самую "острую потребность".

Бельгийский Кодекс принципов журналистской деятельности: "Издатели, редакторы и журналисты должны уважать достоинство граждан и их право на частную жизнь, избегать причинения моральных и физических страданий, если только это не является необходимостью в соответствии со свободой слова". То есть "свобода слова" признается критерием первого порядка, как бы вбирая в себя традиционный "общественный интерес".

Бремя, которое ложится на плечи журналиста, а точнее – взваливается им себе на плечи при таком подходе, на первый взгляд – непомерное и даже аморальное: почему, в самом деле, общество должно съесть все, что отберет для него журналист? Но речь – именно о морали, о нравственном: такова степень доверия журналисту, СМИ в обществе. Не слепая, от неразвитости общественных институтов (это мы проходили в СССР), но исходя из продвинутости, качества самого профессионального сообщества, исходя из опыта жизни с ним.

Это обстоятельство было для меня, сознаюсь, открытием, связанным и с культурой общества, и с культурой журналистики.

культура сегодня, по большому счету – не попадаться на нарушении закона. Их культура – это еще и добрая журналистская традиция: почувствуйте не столько разницу, сколько протяженность пути перехода этической нормы в традицию.

Идем далее по тому же ряду. Португальский деонтологический кодекс журналистов: "Журналист обязан уважать право граждан на частную жизнь. Исключение могут составлять те случаи, когда вмешательство в частную жизнь продиктовано особым общественным значением происходящих событий или когда поведение лица приходит в противоречие с теми ценностями и принципами, которые оно защищает". Мне лично очень нравится эта формулировка. Вспомним Васисуалия Лоханкина, поедавшего ночью суп из кастрюли, и гражданскую казнь, учиненную над ним Варварой. Лоханкин интересовал Варвару, а более никого: он был частным лицом, и ночное воровство им продукта у родной жены, даже и с притоптыванием ногой в зеленой карпетке, было его личным делом. Не то с политиком, тем более, обнаруженным журналистом не у кастрюли с супом, а у "банка с вареньем", как говорят об определенных ситуациях в Дании.

Последний – или первый? – случай скандалов такого рода у нас – пресловутая скуратовская пленка. Если говорить о том, как отреагировали бы на эту ситуацию журналисты "западные" (в данном случае – обобщу сознательно), то полагаю, что так же, как наши.

Дело не в том, что "человека, похожего на генпрокурора" запечатлели с девочками по вызову, а в вопросе о том, кто и почему оплачивал такого рода услуги государственному чиновнику, обязанному по должности и клятве быть не просто высокоморальным, но и неподкупным. Это слово, кстати сказать, из текста ст. 40 Федерального закона "О прокуратуре", из прокурорской присяги: обязательство "дорожить своей профессиональной честью, быть образцом неподкупности, моральной чистоты, скромности, свято беречь и приумножать лучшие традиции прокуратуры". А заканчивается присяга следующей формулой: "Сознаю, что нарушение присяги несовместимо с дальнейшим пребыванием в органах прокуратуры".

Но вернемся к нашему ряду в европейских кодексах. Вот Этический кодекс Профессионального Союза журналистов Словакии.

"Журналист несет ответственность за информацию, которую публикует. Без разрешения человека он не имеет права вторгаться в его личную жизнь, если только человек этот не нарушает закон и не совершает общественно опасных деяний". Итак, еще одна дефиниция: "общественно опасные деяния".

Таким образом, в большинстве кодексов основным пунктом профессиональной мотивации на нарушение запрета на тайну частной жизни является уже знакомый нам "общественный интерес": как, кстати сказать, и в нашем Законе "О СМИ". Что касается конкретной расшифровки этого понятия, сошлюсь на Кодекс практики Великобритании. Не на к Кодекс поведения, принятый самими журналистами, а на документ, принятый Комиссией по жалобам на прессу в 1997 году. "Общественному интересу соответствуют: а) информирование о готовящемся преступлении или возможном бедствии; б) защита общественного здоровья или безопасности; в) попытка уберечь общество от следования ложным и опасным советам, исходящим от частного лица или организации".

Почему я цитирую английский документ, когда дефиниции такого рода можно встретить и в других местах, скажем, в только что подписанной в Москве Хартии телерадиовещателей? В значительной степени потому, что защита частной жизни, даже когда запрет преодолевается, имеет как бы второй эшелон. В Великобритании я, газетчик, преодолев запрет на неприкосновенность частной жизни, обязан немедленно представить в Комиссию своего рода справку о том, как именно я это сделал, почему не мог этого не сделать и как все это повлияло на общественную ситуацию. Я в итоге вынужден семь раз отмерить, прежде чем один раз отрезать.

Применим ли такой подход к России? Тут есть, над чем поломать голову: при российском пренебрежении к суверенной личности, к частной жизни человека, но и при российской практике сносить голову (в том числе, в прямом смысле) слишком далеко заглянувшему за глухой забор...

Еще один вариант мне очень понравился. В Этическом кодексе литовских журналистов говорится об обязанности журналиста "отличать информацию, имеющую общественную значимость, от информации, удовлетворяющей общественное любопытство" (эту формулу, появившуюся, правда, задолго до литовского кодекса, я уже приводил выше) и специально оговаривается одно исключение из правил, понижающее барьер личного права на частную жизнь. Речь идет о публичном политике. При том, что эта категория людей везде признается наиболее уязвимой для "досмотра" журналистов (плата не столько за публичность как таковую, сколько за право принимать решения, касающиеся судеб сограждан), особенность литовского исключения – опора на специальный закон "О государственной службе", принятый в республике. Не стоит гадать, откуда именно родом был этот закрепленный законом импульс повышенной просвечиваемости литовского политика, связан ли этот феномен с ментальностью новой власти или с ее стремлением поставить жесткий барьер на пути прихода в структуры госуправления политиков советского периода, – важно отметить любопытное положение в этическом кодексе. Цитирую: "Журналист не имеет права публиковать без согласия лица данные о его частной жизни. Исключение могут составлять случаи, когда дело касается высокопоставленных лиц государства и потому имеет важное общественное значение, либо когда речь идет о преступных действиях". Обратим внимание на схождение крайностей: только две категории жителей – преступники и высокопоставленные лица – не имеют "пояса безопасности", защиты от журналистов.

И опять–таки: можно ли считать литовское исключение из правил более продвинутым, чем принятая в мире норма взаимоотношений журналиста с публичным деятелем, с тем же политиком в вопросе о праве на частную жизнь? Напомню норму, если говорить о подходе, принятом в государствах Совета Европы. Есть базовый документ Парламентской Ассамблеи Совета Европы – "Резолюция 428 (1970) относительно Декларации о средствах массовой информации и правах человека". В этом документе сказано: "Существует область, в которой осуществление права на свободу информации и свободу выражения своего мнения может вступать в противоречие с правом на уважение личной жизни, гарантируемым ст. 8 Конвенции о правах человека. Нельзя допускать, чтобы осуществление первого права наносило ущерб последнему праву".

Напомню сразу же, как звучит ст. 8 Европейской конвенции, на которую только что была сделана ссылка: "1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенность его жилища и соблюдение тайны его переписки. 2. Не допускается вмешательство государственных органов, препятствующее осуществлению этого права, за исключением случаев, когда это предусмотрено законом...".

Сразу обращаю внимание вот на какое обстоятельство: Резолюцией 428 (1970) положение ст. 8 Конвенции о правах человека, касавшееся вмешательства именно и только государственных

органов, получило более широкое толкование. Индивидуум получил защиту от вмешательства уже не только государства, но и со стороны частных лиц или учреждений, включая средства массовой информации.

Другой пункт раздела "С" вышеупомянутой Резолюции: "Право на уважение личной жизни представляет собой главным образом право вести свою жизнь по собственному усмотрению при минимальном постороннем вмешательстве в нее. Оно касается личной, семейной и домашней жизни, физической и духовной неприкосновенности, чести и репутации...", – обрываю длинную цитату, ибо главное сказано. И завершаю цитирование пунктом 3, представляющимся мне крайне актуальным для России: "Особая проблема возникает в связи с необходимостью уважать личную жизнь общественных деятелей. Тезис "там, где начинается общественная жизнь, личная жизнь заканчивается" не является адекватным для охвата этой ситуации. Личная жизнь общественных деятелей должна защищаться, за исключением случаев, когда она может оказывать воздействие на общественно значимые события". Вот, кстати сказать, почему г-н Скуратов не попадает под защиту права на частную жизнь.

Резолюция 1003 (1993) по журналистской этике эту позицию фактически подтвердила.

Ну и, в завершение, раз уж упомянута Резолюция 1003: обращаю внимание на переход от "самоконтроля" журналистов, который предусматривался Резолюцией 428 (1970) к тому варианту "саморегулирования", который был признан достойным поощрения в 1993 году.

Пять лет назад, когда Россия вступала в Совет Европы, был поставлен вопрос о корпоративности журналистского цеха, о поисках разумной модели взаимоотношений между издателем, главным редактором, журналистом – ведь и в самом деле, разные этажи одного издательского концерна, к примеру, не могут жить, руководствуясь несовпадающими этическими представлениями, упуская из виду информационные интересы граждан. "Как согласовать интересы собственника и интересы рядового журналиста?" – вот вопрос, который озвучен, поставлен, нуждается в разрешении, в том числе и в России тоже.